

Альбатрос

Обед состоял из шести блюд, не считая дополнительных. Тележки с вином бесшумно катились по стеклянным дорожкам. Высоко вверх над каждым столом горела точечная лампа. Черепашковый суп подавали при лимонном свете. Рыбу – при белом, с голубоватым отливом. Цыплят залил румянец с шелковисто-серым теплым огоньком. За черным кофе, к счастью, не наступил мрак – Пиркс был готов к самому худшему. Его утомил этот обед. Он пообещал себе, что отныне будет есть только на нижней палубе, в баре. Зал этот был определенно не по нем. Все время приходилось думать о локтях. Вдобавок – туалеты! Зал был вогнутый – края выше, центр опущен чуть ли не на пол-яруса. Он походил на гигантскую золотисто-кремовую тарелку, наполненную самыми яркими тартинками на свете. Жесткие полупрозрачные платья дам шуршали за спиной Пиркса. Время здесь проводили великолепно. Наигрывала музыка. Сновали кельнеры – настоящие кельнеры, каждого можно было принять за дирижера филармонии. «Трансгалактик» гарантирует: никаких автоматов, интимность, деликатность, искренняя человеческая благожелательность, весь обслуживающий персонал живой. Сплошные виртуозы своего дела.

Пиркс пил черный кофе, курил сигарету и старался найти в зале уголок, за которым можно было бы остановить взгляд. Спокойный уголок для отдыха. Женщина, сидевшая с ним за одним столом, ему нравилась. На ее декольтированной груди чернел шершавый камешек. Не какой-нибудь хризопраз или халцедон. Ничего земного – наверное, с Марса. Камешек этот, надо полагать, стоил целое состояние – походил на осколок булыжника. Женщинам нельзя иметь столько денег.

Пиркс не возмущался. Не удивлялся. Он наблюдал. Постепенно у него возникло желание размяться. Не пойти ли на прогулочную палубу?

Он встал, слегка поклонился и вышел. Проходя между гранеными колоннами, облицованными какой-то зеркальной массой, Пиркс увидел собственное отражение. Из-под узла галстука виднелась пуговица. А впрочем, кто еще носит эти самые галстуки?

Он поправил воротничок уже в коридоре. Вошел в лифт. Поднялся на самый верх – на обзорную палубу. Лифт бесшумно открылся. Здесь не было ни души. Пиркс обрадовался этому. Часть вогнутого потолка над палубой, уставленной шезлонгами, казалось гигантским черным окном, распахнутым навстречу звездам. Шезлонги с грудями пледов пустовали. Только в одном из них лежал кто-то, укрывшись с головой, – чудаковатый старикан, который приходил обедать часом позже и ел один в пустом зале, закрывая лицо салфеткой, когда чувствовал на себе чей-нибудь взгляд.

Пиркс лег. Невидимые зевы климатизаторов направляли на галерею палубы порывистые потоки ветра; казалось, дует прямо из черных глубин неба. Конструкторы, услугами которых пользовался «Трансгалактик», разбирались в деле. Шезлонги были удобные – пожалуй, удобней, чем кресло пилота, хоть оно и было сконструировано на основе тончайших математических расчетов. Пиркс начал зябнуть. Для этого и нужны пледы. Он завернулся в них, словно нырнул в пух.

Кто-то подымался сюда. По лестнице, не в лифте. Соседка по столику. Сколько ей лет? На ней было уже другое платье. А может, это вообще другая женщина? Она

легла через два шезлонга от него. Раскрыла книгу. Ветер шелестел страницами. Пиркс смотрел теперь прямо перед собой. Отлично был виден Южный Крест. Отрезанный оконной рамой светился клочок Малого Магелланова Облака – светлое пятнышко на черном фоне. Он подумал, что полет будет продолжаться семь дней. За это время многое может случиться. Он нарочно пошевелился. Толстая, сложенная вчетверо бумага зашуршала во внутреннем нагрудном кармане. Ему хорошо жилось на свете – место второго навигатора уже ожидало его, он знал точный маршрут: с Северной Земли самолетом до Евразии и далее в Индию. Из билетов составила целая книжечка – ее можно было читать, каждый бланк другого цвета, двойной, отрезные талоны, золотые каемочки – все, что «Трансгалактик» давал пассажирам в руки, прямо истекало серебром или золотом. Пассажирка в третьем шезлонге очень хороша собой. Пожалуй, все же та самая. Сказать ей что-то – или лучше не надо? Ведь он уже как будто представился ей. Это чистое несчастье иметь такую короткую фамилию – не успеешь начать, а она уже кончилась. «Пиркс» звучит совсем как «икс». Хуже всего бывает во время телефонных разговоров. Сказать что-нибудь? Что?

Он снова начал терзаться. На Марсе он представлял себе это путешествие совсем иначе. Арматоры с Земли оплатили ему перелет – у них, кажется, были какие-то дела с «Трансгалактиком», и с их стороны это не было красивым жестом. А он, хоть и налетал уже почти три миллиарда, никогда еще не бывал на чем-либо, напоминающем «Титан». Грузовые корабли выглядят совсем иначе! Сто восемьдесят тысяч тонн массы покоя, четыре реактора основного хода, скорость движения 65 километров в секунду, тысяча двести пассажиров только в одноместных и двухместных каютах с ваннами, номера люкс, гарантированная постоянная гравитация, исключая старт и посадку, высший комфорт, высшая безаварийность, сорок два человека экипажа и двести шестьдесят обслуживающего персонала. Керамика, сталь, золото, палладий, хром, никель, иридий, пластики, каррарский мрамор, дуб, красное дерево, серебро, хрусталь. Два бассейна. Четыре кинозала. Восемнадцать станций прямой связи с Землей – только для пассажиров. Концертный зал. Шесть главных палуб, четыре – обзорных; автоматические лифты; заказ билетов на все ракеты в пределах Солнечной системы на год вперед. Бары. Залы для игр. Универсальный магазин. Уличка ремесленников – точная копия какого-то земного переулочка в старой части города, с винным погребком, газовыми фонарями, луной, глухой стеной и кошками, которые прогуливаются по ней. Оранжерея. И черт знает что еще. Надо лететь целый месяц, чтобы успеть обойти все это хоть один раз.

Соседка продолжала читать. Стоит ли женщинам красить волосы в такой цвет? У нормального человека он вызывает... Но ей – ей такой цвет почти к лицу. Пиркс подумал, что, если б он держал в руке горящую сигарету, нужные слова сразу нашлись бы. Полез в карман.

Портсигар – никогда раньше у него не было портсигара, этот он получил в подарок от Горака, на память, и носил в знак дружбы – будто стал чуть тяжелее. Самую малость. Но он это уловил. Ускорение увеличилось? Пиркс прислушался. Вон оно что.

Двигатели работали на большей мощности. Обычный пассажир совсем бы этого не ощутил: машинный зал «Титана» был отделен от пассажирской части корпуса четырьмя изоляционными переборками.

Пиркс выбрал бледную звездочку в самом углу окна и не сводил с нее глаз. Если они просто

увеличивают скорость, звездочка не двигается с места. Но если она дрогнет...

Звездочка дрогнула. Медленно – очень медленно – поплыла в сторону.

«Поворот вокруг большой оси», – подумал он.

«Титан» летел по «космическому туннелю», где на пути не было ничего – ни пыли, ни метеоритов, – ничего, кроме пустоты. Впереди, на расстоянии тысячи девятисот километров от него, мчался лодочник «Титана», задачей которого было обеспечить свободный путь для гиганта. Зачем? На всякий пожарный случай, хотя путь и так был свободен. Ракеты точно придерживались расписания, «Трансгалактику» был гарантирован полет без помех по указанному отрезку гиперболы на основе соглашения, заключенного Объединением астронавигационных компаний. Никто не мог занять его трассу. Метеоритные сводки поступали теперь за шесть часов; с тех пор как тысячи автоматических зондов стали патрулировать секторы за орбитой Урана, ракетам практически перестала грозить какая-нибудь опасность извне. Пояс, на орбитах которого между Землей и Марсом носились миллиарды метеоритов, имел собственную патрульную службу, к тому же ракетные трассы проходили вне плоскости эклиптики, в которой вращается вокруг Солнца грохочущий метеоритный пояс. Прогресс – даже с того времени, когда Пиркс летал на патрульной ракете, – был огромный.

Словом, у «Титана» не было ни малейшей необходимости лавировать – препятствий не существовало. И все же корабль делал разворот. Теперь Пирксу даже не надо было смотреть на звездное небо – он чувствовал это всем телом. Зная скорость корабля, его массу и быстроту перемещения звезд, он мог при желании высчитать кривизну траектории. «Что-то случилось, – подумал Пиркс. – Но что?» Пассажирам ничего не сообщили. Скрывают что-нибудь? Почему? Пиркс очень плохо разбирался в порядках на пассажирских кораблях люкс. Зато он знал, что может случиться в машинном отделении, в рулевой рубке... это не такое уж большое хозяйство. В случае аварии корабль сохранил бы прежнюю скорость или уменьшил бы ее. А «Титан»...

Это продолжалось уже четыре минуты. Следовательно, ракета повернула почти на 45 градусов. Любопытно. Звезды остановились.

Корабль шел прямым курсом. Тяжесть портсигара, который Пиркс все еще держал в руке, возросла.

Они шли прямым курсом и увеличивали скорость. Сразу все стало ясно. Еще секунду Пиркс сидел неподвижно, потом встал. Теперь он весил больше. Сероглазая пассажирка взглянула на него.

– Случилось что-нибудь?

– Ничего особенного.

– Но что-то изменилось. Вы не чувствуете?

– Пустяки. Немного увеличиваем скорость, – сказал он.

Сейчас самое время было вступить с нею в разговор. Он взглянул на нее. Цвет волос ничуть не мешал. Она была очень красива.

Он пошел вперед. Ускорил шаги. Женщина, наверное, подумала, что он спятил. На стенах палубы пестрели разноцветные фрески. Через дверь с надписью «Конец палубы – посторонним вход воспрещен» он прошел в длинный, пустой коридор, отливающий металлом в свете ламп. Замелькали ряды дверей с номерами. Он направился дальше, ориентируясь по слуху. Поднялся по ступенькам на пол-этажа и остановился у других дверей. Стальных. «Вход только для звездного персонала», – было написано на табличке. Ого! Какие красивые названия придумал этот «Трансгалактик»!

Двери были без ручек, они открывались специальным ключом, которого у него не было. Он поднес палец к носу.

Поразмыслил секунду. И отстукал морзянкой:

– Тап – тап – та-та-тап – тап-тап.

Он ждал с минуту. Дверь отворилась. Хмурое, покрасневшее лицо показалось в щели.

– Чего вы хотите?

– Я пилот патрульной службы, – сказал он.

Двери открылись шире.

Он вышел. Здесь помещался резервный пульт управления – вдоль одной из стен располагалась дублирующая система управления ракетными двигателями, изменяющими направление. Напротив – экраны оптического контроля. У аппаратов находилось несколько кресел, все они сейчас пустовали. Приземистый автомат контролировал мерцание ламп на пульте. На узком столике у стены стояли в кольцевых зажимах полупустые стаканы. В воздухе чувствовался аромат свежесваренного кофе и своеобразный запах нагретого пластика с еле уловимой примесью озона.

Вторая дверь была приоткрыта. Из-за нее доносился слабый писк умформера.

– SOS?– спросил Пиркс человека, который ему открыл.

Это был довольно полный мужчина со слегка припухшей, словно при флюсе, щекой. На волосах – след от дуги наушников. Он был в серой на молниях полурасстегнутой униформе «Трансгалактика». Рубашка вылезла из брюк.

– Да.

Мужчина как будто колебался.

– Вы из Патруля? – сказал он.

– С Базы. Летал два года на трансурановых орбитах. Я навигатор. Моя фамилия Пиркс.

Мужчина подал ему руку.

– Минделл. Ядерщик.

Не сказав больше ни слова, они прошли в другое помещение. Это была радиорубка прямой связи. Очень просторная. Человек десять окружали главный передатчик. Два радиотелеграфиста в наушниках что-то непрерывно писали, аппараты стучали, под полом попискивало. Контрольные лампы горели на всех стенах. Все это было похоже на междугородную телефонную станцию. Телеграфисты почти лежали на своих конторках. На них были только рубашки и брюки. Лица лоснились от пота, один был бледен, другой, постарше, со шрамом на голове, выглядел так, будто ничего не случилось. Дуга наушников разделяла волосы, и шрам был хорошо виден. Два человека сидели чуть поодаль; Пиркс взглянул на них и узнал в одном командора.

Они были немного знакомы. Командор «Титана» был невысокий, седоватый, с маленьким, невыразительным лицом. Положив ногу на ногу, он, казалось, рассматривал носок собственного ботинка.

Пиркс бесшумно приблизился к людям, стоявшим около телеграфистов, наклонился и стал читать через плечо того, со шрамом: «...шесть восемнадцать запятая три иду полным ходом дойду восемь ноль двенадцать конец».

Телеграфист придвинул левой рукой бланк и продолжал запись.

«Луна Главная Альбатросу четыре Марс тире Луна точка Имеет ли повреждения точка Отвечайте Морзе запятая радиофон не доходит точка Сколько часов можете держаться на аварийной тяге точка Пеленгованный дрейф ноль шесть запятая двадцать один точка Прием».

«Порыв Марс тире Луна Луне Главной точка Иду полным ходом к Альбатросу сектор 64 точка У меня перегрет реактор точка Несмотря на это иду дальше точка Нахожусь шесть нанопарсек от пункта запятая запеленгованного SOS точка Конец».

Вдруг второй радиотелеграфист, тот, бледный, издал какой-то нечленораздельный звук – все стоявшие склонились над ним. Человек, который впустил Пиркса, подал командору заполненные бланки. Второй телеграфист писал:

«Альбатрос четыре всем точка Лежу в дрейфе эллипс Т-341 сектор 65 точка Обшивка корпуса лопается дальше точка Кормовые переборки не выдерживают точка Аварийная тяга реактора ноль три жэ точка Реактор выходит из-под контроля точка Главная перегородка повреждена во многих местах точка Повреждение на третьей палубе возрастает под действием аварийной тяги точка Утечка теплоносителя продолжается точка Пытаюсь цементировать точка Перевожу экипаж в носовой отсек точка Конец».

У радиотелеграфиста тряслись руки, когда он писал. Один из стоявших взял его за ворот рубашки, поднял, вытолкал за дверь, вышел сам, но через минуту возвратился и сел на его место.

– У него там брат, – пояснил он, ни к кому не обращаясь.

Пиркс наклонился теперь над старшим радиотелеграфистом, который вдруг начал писать:

«Луна Главная Альбатросу четыре Марс тире Луна точка Идут к вам Порыв из сектора 64 Титан из сектора 67 Баллистический восемь из сектора 44 Кобольд семь ноль два из сектора 94 Цементируйте перегородки в скафандрах за щитами при избыточном давлении точка Сообщите аварийный дрейф на данное время точка Конец».

Человек, заменивший молодого телеграфиста, громко произнес: «Альбатрос!», и все склонились над ним. Он писал: «Альбатрос четыре ко всем точка Аварийный дрейф не установлен точка Шпангоуты корпуса плавают точка Теряю воздух точка Экипаж в скафандрах точка Машинное отделение залито теплоносителем точка Щиты пробиты точка Первая пробоина в рубке зацементирована точка Заливает главный передатчик точка Теперь буду держать связь только по радиофону точка Ждем вас точка Конец».

Пиркс хотел закурить – курили почти все, и видно было, как дым синими лентами уносится вверх, всасываемый вентиляционными отверстиями. Он искал по всем карманам сигареты и не мог найти. Кто-то – он даже не видел кто – сунул ему в руку открытую пачку. Он закурил. Командор сказал:

– Коллега Минделл, – на мгновение он закусил нижнюю губу, – полный ход.

Минделл сначала, по-видимому, был озадачен, но ничего не сказал.

– Дать предупреждение? – спросил человек, сидящий рядом с командором.

– Да. Я сам.

Он подтянул к себе микрофон и начал говорить:

– «Титан» Марс – Земля «Альбатросу-4». Идем к вам полным ходом. Находимся на границе вашего сектора. Будем через час. Пробуйте выйти через аварийный люк. Будем около вас через час. Идем полным ходом. Держитесь. Конец.

Он оттолкнул микрофон и встал. Минделл говорил по внутреннему телефону у противоположной стены:

– Ребята, через пять минут полный ход. Да, да, – отвечал он тому, кто находился у другого конца провода. Командир вышел. Слышен был его голос в другой комнате:

– Внимание! Внимание! Пассажиры! Внимание! Внимание! Пассажиры! Передаем важное сообщение. Через четыре минуты наш корабль увеличивает скорость. Мы получили сигнал SOS и спешим...

Кто-то закрыл дверь. Минделл коснулся плеча Пиркса.

– Держись за что-нибудь. Сейчас будет больше двух.

Пиркс кивнул головой, 2 g для него ровным счетом ничего не значило, но он понимал, что теперь не время хвалиться своей выносливостью. Послушно взявшись за подлокотник кресла, в котором сидел пожилой телеграфист, он читал через его плечо:

«Альбатрос четыре Титану точка В течение часа не продержусь на палубе точка Аварийный люк зажат лопающимися шпангоутами точка Температура в рулевой рубке 81 точка Пар поступает в рубку точка Попытаюсь разрезать носовую броню и выйти точка Конец».

Минделл выхватил у него из рук исписанный бланк и побежал в другую комнату. Когда он открывал двери, пол слегка дрогнул, и все почувствовали, что их тела наливаются тяжестью.

Вошел командор, он ступал с видимым усилием. Сел в свое кресло. Кто-то подал ему подвесной микрофон. В руках он держал скомканный листок – последнюю радиограмму с «Альбатроса». Командор расправил листок и долго смотрел на него.

– «Титан» Марс – Земля «Альбатросу-4», – произнесен наконец. – Будем около вас через пятьдесят минут. Подойдем курсом восемьдесят четыре запятая пятнадцать. Восемьдесят один запятая два. Покидайте корабль. Мы найдем вас. Найдем наверняка. Держитесь. Конец.

Человек в расстегнутом кителе, заменивший молодого связиста, вдруг вскочил и посмотрел на командора – тот подошел к нему. Телеграфист снял с головы наушники, отдал их командору, а сам принялся регулировать надсадно хрипящий репродуктор. Вдруг все оцепенели.

В кабине стояли люди, летавшие долгие годы, но такого никто из них еще не слышивал. Тот, чей голос доносился из репродуктора, смешанный с протяжным шумом, словно отгороженный стеной огня, кричал:

– Альбатрос – всем – теплоноситель – рулевая рубка – температура – невозможно – экипаж до конца – прощайте – проводка...

Голос оборвался, и слышен был только шум.

Из репродуктора послышался какой-то скрип. Было трудно держаться на ногах, однако все стояли, сгорбившись, тяжело опираясь о металлические стены.

– «Баллистический восемь» Луне Главной, – отозвался сильный голос. – Иду к «Альбатросу-4». Откройте мне путь через сектор 67, иду полным ходом, маневрировать при обходах на могу. Прием».

Несколько секунд длилось молчание.

– Луна Главная ко всем в секторах 66, 67, 68, 46, 47, 48 и 96. Объявляю секторы закрытыми. Все корабли, которые не идут полным ходом к «Альбатросу-4», должны немедленно застопорить, поставить реакторы на холостой ход и зажечь позиционные огни. Внимание, «Прорыв»! Внимание, «Титан» Марс – Земля! Внимание,

«Баллистический восемь»! Внимание, «Кобольд семь ноль два»! К вам обращается Луна Главная! Открываю вам свободную дорогу к «Альбатросу-4».

Всякое движение в секторах ведущего радиуса пункта SOS приостанавливается. Начинайте торможение в нанопарсеке от пункта SOS. Следите за тем, чтобы тормозные огни в оптическом радиусе «Альбатроса» были погашены, поскольку его экипаж уже мог покинуть палубу. Удачи. Удачи. Конец.

Теперь отозвался «Порыв» – морзянкой. Пиркс вслушивался в звуки поступающих сигналов.

«Порыв Марс – ЛУНА ко всем идущим на помощь Альбатросу точка Я вошел в сектор Альбатроса точка Через 18 минут буду около него точка У меня перегрет реактор запятая охлаждение повреждено точка После спасательных работ буду нуждаться во врачебной помощи точка Начинаю тормозить полным задним ходом точка Конец».

– Сумасшедший, – проговорил кто-то, и тогда все стоявшие до тех пор как статуи начали искать глазами того, кто это сказал. Раздалось короткое, гневное бормотание.

– «Порыв» будет первым, – заметил Минделл и взглянул на командора.

– Он сам будет нуждаться в помощи. Через сорок минут...

Он умолк. Репродуктор все хрипел и хрипел. Вдруг сквозь треск послышалось:

– «Порыв» Марс – Луна ко всем идущим на помощь «Альбатросу-4». Нахожусь в оптическом радиусе «Альбатроса». «Альбатрос» дрейфует приблизительно по эллипсу Т-348. Корма раскалена до вишневого цвета. Сигнальные огни отсутствуют. «Альбатрос» не отвечает на позывные. Останавливаюсь и приступаю к спасательным операциям. Конец.

В другой комнате отозвались зуммеры. Минделл и еще один мужчина вышли. У Пиркса от напряжения одеревенели все мышцы. Боже! Как ему хотелось оказаться там! Минделл возвратился.

– Что там? – спросил командор.

– Пассажиры спрашивают, когда можно будет танцевать, – ответил Минделл. Пиркс даже не расслышал этих слов. Он смотрел в репродуктор.

– Скоро, – спокойно сказал командир. – Включите мне оптическую связь. Мы подходим. Через несколько минут должны их увидеть. Коллега Минделл, дайте второе предупреждение – мы будем тормозить на форсаже.

– Есть, – ответил Минделл и вышел.

Репродуктор загудел, и раздался голос:

– Луна Главная «Титану» Марс – Земля, «Кобольду семь ноль два»! Внимание! Внимание! Внимание! «Баллистический восемь» заметил в центре сектора 65 объект

светимостью минус четыре. «Порыв» и «Альбатрос» не отвечают на позывные. Возможен взрыв реактора на «Альбатросе». Для обеспечения безопасности пассажиров «Титан» Марс – Земля должен застопорить и немедленно отозваться. «Баллистический восемь» и «Кобольд семь ноль два» действуют дальше по собственному усмотрению. Повторяю: «Титан» Марс – Земля должен...

Все смотрели на командора.

– Коллега Минделл, – сказал он. – Застопорим в нанопарсеке?

Минделл смотрел на циферблат своих часов.

– Нет, командор. Мы входим в оптическую зону. Потребовалось бы 6 g.

– Тогда изменим курс.

– Все равно будет, по меньшей мере, три, – сказал Минделл.

– Ничего не поделаешь.

Командор встал, подошел к микрофону и заговорил:

– «Титан» Марс – Земля Луне Главной. Не могу застопорить, у меня слишком большая скорость. Меняю курс обходным маневром на половинной мощности двигателей и выхожу курсом двести два из сектора 65 в сектор 66. Прошу открыть мне путь. Прием.

– Примите подтверждение, – обратился он к мужчине, который раньше сидел рядом с ним. Минделл кричал что-то по внутреннему телефону. Неустанно гудели зуммеры.

На стенных табло вспыхивали огоньки. Вдруг вроде бы потемнело – это кровь отхлынула от глаз. Пиркс широко расставил ноги. «Титан» тормозил на повороте.

Корабль едва заметно вибрировал, слышалось протяжное, на высокой ноте гудение двигателей.

– Садитесь! – крикнул командор. – Мне не нужны здесь герои! Сейчас три!

Все сели на пол, вернее повалились на него. Он был покрыт толстым слоем пенопласта.

– Ну и ну! Теперь там все перебьется! – пробурчал человек, сидевший рядом с Пирксом. Командир услышал это.

– Страхование общество заплатит, – ответил он из своего кресла.

Кажется, было больше 3 g – Пиркс не мог поднять руку к лицу. Пассажиры, наверное, все лежали в каютах, но что делалось в кухнях, в столовых! Он представил себе оранжерею. Ведь этого ни одно дерево не выдержит. А внизу? Целые вагоны битого фарфора! Недурное зрелище!

Репродуктор отозвался:

– «Баллистический восемь» ко всем. Нахожусь в оптической зоне «Альбатроса». Он – в туче.

Корма раскалилась. Прекращаю торможение и высылаю в пространство отряды для поисков экипажа «Альбатроса». «Порыв» не отвечает на позывные. Конец.

Ускорение уменьшилось. Кто-то показался в дверях, что-то крикнул. Уже можно было встать. Все двинулись к дверям, ведущим в главную рулевую рубку. Пиркс вышел последним. Экран размером восемь на шестнадцать метров занимал всю переднюю стену – вогнутый, огромный, словно в кинотеатре для гигантов. Все огни в рубке были погашены. В пространстве, на черном, усыпанном звездами фоне, ниже главной оси «Титан», в левом квадранте, тлела тонкая черточка, оканчивающаяся раскаленным вишневым угольком, похожим на огонек папиросы. Она была ядром бледного, слегка приплюснутого пузыря, от которого во все стороны расходились утончающиеся остроконечные отростки. Сквозь это шаровидное все отчетливее пробивался свет наиболее ярких звезд. Вдруг все подались вперед, словно желая войти в экран. Совсем низко, в правом нижнем углу, сверкнула среди звезд белая точка и принялась быстро мигать. Это был «Порыв».

«В реакторе Альбатроса началась неуправляемая цепная реакция точка Имею потери в людях точка Есть обожженные точка Прошу врачей точка Передатчик поврежден взрывом точка Течь реактора точка Готов катапультировать реактор запятая если не остановлю течь точка», – расшифровал Пиркс по мигающей точечке.

«Альбатроса» уже не было видно. Среди звезд висело тяжелое янтарно– бело-бурое облако дыма, увенчанное взбитой гривой. Оно оседало, передвигалось в нижний левый угол экрана. «Титан» прошел над ним, прокладывая новый курс из сектора катастрофы.

В темную комнату из дверей радиорубки упала длинная полоса света. Слышался голос «Баллистического»:

– «Баллистический восемь» Луне Главной. Застопорил в центральной части сектора 65. «Порыв» в нанопарсеке подо мной оптически сигнализирует о потерях в людях и о течи реактора, готов катапультировать реактор, запрашивает врачебную помощь, которую ему окажу. Поиски экипажа «Альбатроса» затруднены заражением вакуума радиоактивной тучей с температурой на поверхности свыше 1200 градусов. Нахожусь в оптической зоне «Титана» Марс – Земля, который движется около меня полным ходом, выходя в сектор 66. Ожидаю прибытия «Кобольда семь ноль два» для проведения совместных спасательных действий. Прием.

– Все по местам! – раздался громкий возглас. Одновременно вспыхнули сигнальные огни в рулевой рубке. Началось движение, люди разошлись вдоль стен в трех направлениях, Минделл отдавал приказания, стоя у распределительного пульта; одновременно гудело несколько зуммеров. Наконец зал опустел, и, кроме командора, Минделла и Пиркса, остался лишь молодой телеграфист, который стоял в углу перед экраном и глядел на постепенно рассеивающееся, все больше расплывающееся и меркнувшее облако дыма.

– А, это вы, – сказал командор «Титана», словно только сейчас увидел Пиркса, и подал ему руку, – «Кобольд» отзывается? – спросил он человека, появившегося в дверях радиорубки.

– Да, командор, идет обратным.

– Хорошо.

Они постояли минуту, глядя на экран. Последний клоч грязно-серой тучи исчез. Экран вновь заполнился чистой, искрящейся звездами тьмой.

– Кто-нибудь спасся? – спросил Пиркс, точно командор «Титана» мог знать больше его самого. Но тот был командором, а командор должен знать все.

– Вероятно, у них заело дроссели, – ответил командор.

Он был на голову ниже Пиркса. Волосы как из олова – то ли поседел, то ли всегда были такие.

– Минделл, – бросил командор проходящему инженеру, – будьте любезны, дайте отбой. Пускай танцуют. Вы знали «Альбатрос»? – спросил он, обращаясь к Пирксу.

– Нет.

– Западная компания. Двадцать три тысячи тонн. Что там?

Радиотелеграфист приблизился и подал ему исписанный бланк. Пиркс прочел первое слово «Баллистический...» и отступил на шаг. Однако теперь он мешал людям, которые ежеминутно проходили через рулевую рубку, и поэтому стал у самой стены в углу. Прибежал Минделл.

– Как «Порыв»? – спросил у него Пиркс. Минделл вытирал платком вспотевший лоб. Пирксу казалось, что они знакомы целую вечность.

– Не так уж скверно, – засопел Минделл. – Система охлаждения реактора от сотрясения при взрыве вышла из строя – эта дрянь всегда отказывает в первую очередь. Имеются ожоги первой и второй степени. Врачи уже там.

– С «Баллистического»?

– Да.

– Командор! Луна Главная! – позвал кто-то из радиорубки, и командор вышел. Пиркс стоял против Минделла, который машинально прикоснулся к своей опухшей щеке и спрятал платок, в карман.

Пирксу хотелось расспросить его подробнее, но Минделл ничего не сказал, только кивнул ему и пошел в радиорубку. Репродуктор говорил десятью голосами, корабли из пяти секторов спрашивали об «Альбатросе», о «Порыве». Луна Главная потребовала наконец, чтобы все замолчали, и пыталась восстановить график движения ракет, который был нарушен в 65 секторе. Командор сидел рядом с телеграфистом и что-то писал. Неожиданно телеграфист снял наушники и отложил их. Будто они стали ему не нужны. По крайней мере, так показалось Пирксу. Он подошел к нему сзади, хотел спросить, что с людьми «Альбатроса» – удалось ли им выбраться. Тот

почувствовал его присутствие, поднял голову и взглянул Пирксу в глаза. Пиркс ни о чем не спросил его. Он вышел из зала, отворив дверь с надписью: «Вход только для звездного персонала».